

жения всеми другими, для нее посторонними, движениями. Нумерическое число важно, об этом я не спорю, но вы сами знаете, что складывать можно только однородные предметы и что сумма только тогда и представит силу, когда она сосредоточивает свои данные, а не тогда, когда берет смесь разнородных противоречащих элементов.

¹ Дата второго письма может быть установлена лишь приблизительно — май—начало июня 1862 г., поскольку один из арестованных в 1866 г. участников гейдельбергской читальни показал, что Огаревым, в ответ на письмо Бакста, были присланы «одно за другим два письма».

² Под «отделением *козлиц*» Огарев имеет в виду отмежевание от либеральных элементов, в сущности являвшихся врагами революционного движения, а не его союзниками. Что имеет в виду Огарев, указывая на своевременность своего предупреждения, трудно сказать; возможно, что начавшуюся в мае 1832 г. травлю Герцена в русской легальной печати, сразу же поддержанную либералами.

³ Упоминание о «технически» применяемом народом к «образованным классам» ироническом названии «верхушки» свидетельствует о близости Огарева к П. А. Мартьянову, который писал о том же в своей брошюре «Народ и государство».

⁴ Огарев вполне правильно сближает здесь позиции эмигранта П. В. Долгорукова, объявившего себя сторонником «конституции», с позицией А. В. Головинина, министра народного просвещения, сподвижника П. А. Валуева, вынапивавшего втайне, в тиши министерских кабинетов, проект олигархической «конституции».

ОГАРЕВ—В. Н. КАШПЕРОВУ

Публикация Е. И. Канн-Новиковой

Публикуемое письмо Огарева от 15 ноября 1862 г. обращено к близкому его приятелю, композитору и музыкальному деятелю Владимиру Никитичу *Кашперову* (характеристику В. Н. Кашперова и его взаимоотношений с Огаревым см. в нашей публикации, напечатанной в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 149—150).

В начале шестидесятых годов Огарев отнесся с особым интересом к проблемам русского поэтического и музыкального фольклора. Несомненно, что влияние Огарева и Герцена во многом способствовало развитию нового, революционно-демократического направления русской фольклористики. Одним из горячих сторонников этого направления являлся упоминаемый в письме Огарева известный собиратель народных песен П. И. Якушкин. По почину Якушкина и его идейных единомышленников, изучение и собиране народного творчества в России все более сближается с изучением жизни народа, с проникновением в его духовный мир, в историю его освободительной борьбы.

В прямую связь с этим действенным отношением к народному творчеству следует поставить и стремление Огарева использовать народную песню в агитационных целях.

В шестидесятых годах активизируется издательская деятельность Огарева и Герцена. Именно в это время ими широко пропагандируются и революционные песни. В этом отношении они опирались на опыт поэтов-декабристов, приспособлявших, как известно, антиправительственные сатирические тексты к наиболее популярным бытовым напевам. Этот метод стал руководящим и для Огарева. Публикация новых революционных текстов песен, как правило, сопровождалась указанием «голосов» (то есть мелодий), на которые они должны распеваться. Чаще всего для этих целей пользовались народными напевами. С начала шестидесятых годов в периодических изданиях Герцена и Огарева и в песенных сборниках, составленных при их участии, появляются революционные стихи Огарева: «на голос» песни «Среди долины ровные» в «Колоколе» 1862 г. публикуется отрывок из поэмы Огарева, посвященной ссыльному поэту М. Л. Михайлову; на мотив излюбленной в народе «разинской» песни «Вниз по матушке, по Волге» в том же 1862 г. печатается в «Полярной звезде» отрывок из поэмы Огарева «Забутье» («Из-за матушки за Волги, со широкого раздолья»).

Помимо народных мелодий, на которые делались указания в нелегальных песенных сборниках, Огарев привлекал и классические музыкальные произведения, осо-

бенно популярны в русских демократических кругах. Характерно, что созданный в России в 1861 г. для нелегальной студенческой оперы гимн с революционным текстом «Славься, свобода и честный наш труд», который распевался на мотив глинкского «Славься», был перепечатан в 1863 г. в собрании «Свободных русских песен» с указанием на тот же мотив. Сборник этот, как доказано в публикации Б. Козьмина и Е. Кушевой (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 85) печатался не в Лондоне, в Вольной русской типографии, а в Берне. Тем не менее участие в нем Огарева едва ли может вызывать сомнение (убедительные соображения по этому поводу высказаны В. Е. Гусевым в статье «Герцен и народная поэзия» — «Советская этнография», 1951, № 3). Повидимому, именно народный склад музыки Глинки, опущение ее русской разнотинной демократией как *народного* гимна и обусловило включение его в состав сборника «Свободных русских песен».

В публикуемом письме Огарева к В. Н. Кашперову содержится ценное высказывание о революционно-демократической пропаганде средствами песенного фольклора. Значительный интерес представляет выраженное здесь намерение Огарева издавать сборники революционных песен с фортепианным сопровождением, которые должны были отвечать духу и складу русской народной песни. Факт выдвижения Огаревым такой музыкальной проблемы весьма знаменателен. Нельзя не усмотреть здесь тесной связи ее с литературными поисками «слога, понятного вообще для простолюдина». Огарев писал, имея в виду поэзию: «...если мы не будем говорить языком, для народа понятным, — нам не удастся разрушить веру, которая есть поддержание властей и угнетений <...> Все будет <...> непонятно именно для того населения, без участия которого никакой переворот не может быть возможен...» (Н. П. О г а р е в. Стихотворения и поэмы, т. I. М.—Л., 1937, стр. XX).

Такую же целеустремленность и тонкое чутье проявил поэт и к музыкальной стороне издаваемых им революционных песен, утверждая, что, если они не будут выдержаны в народном духе, «слова не пойдут в пропаганду».

Письмо печатается по перлюстрационной копии «краковской коллекции» (Библиотека Польской Академии наук, Краков).

Lombardy, al Signor Kaschperoff
Villa Lessa. Como
15 ноября <1862 г.> Лондон¹

Вы, чай, думаете, что я вас вовсе забыл, мой милый Кашперов, а в самом-то деле было столько дела, что не мог спокойно приняться написать двух строк. Вы не сомневайтесь, что я глубоко сочувствую, только не думаю, чтоб теперь было время что-либо сделать по этой части. Лет через десять, когда гражданское дело станет в какие-нибудь пазы, оно примется легко, а теперь вы на то и денег не найдете (в России ни у кого нет), ни времени². Только не унывайте, сделайте немножко, что положит основание будущему, но не обманывайте себя, не думайте, чтобы вы на сию минуту могли организовать что-нибудь в большом размере. Якушкин³ в Берлине: я не писал ответа, потому что я прусской переписки избегаю, и лучше пусть он меня побранит за неучтивость, чем я предал бы его своей перепиской⁴. И так уже неосторожность похитила много наших.

Теперь вам скажу о музыкальных вещичках: если кто к вам явится от моего имени для подбора народных напевов на слова новые и написания аккомпанементов для издания во вред царичему, то вы возьмитесь за этот труд с преданностью к делу, только в народном духе. Иначе слова не пойдут в пропаганду — намерение издателей недурно⁵.

Вот вам новость: Тата, которую ждем из Брюсселя, училась там живописи под руководством Gallait⁶ (первого художника), живопись — ее специальность. На зиму едет с miss Meysenbug в Флоренцию; она увидит вас, вашу жену и передаст об наших планах... Поговорите с Валерио⁷ и напишите ваше мнение. А все же я вашего губернатора не люблю *s.

* На этом письме обрывается. — *Ред.*

¹ Год установлен по упоминанию о занятиях Таты Герцен с художником Галлэ, закончившихся осенью 1832 г. В своем письме к В. Н. Кашперову от 12 декабря 1862 г. Герцен сообщил о предстоящем приезде его дочери во Флоренцию (XV, 567).

² О чем именно идет здесь речь, сведений не имеется.

³ Характеристику Павла Ивановича Якушкина, одного из крупнейших собирателей русских народных песен, см. в «Лит. наследстве», т. 51-52, 1949, стр. 564.

⁴ Осторожность, проявленная Огаревым, понятна: Якушкин был лицом «поднадзорным» и имел столкновения с полицией. Так, в 1859 г. он подвергся в Пскове аресту, а незадолго до поездки в Берлин, весной 1832 г., против него было возбуждено дело о распространении «печатных возмутительных воззваний» (см. И. Ильинский. Жандармский обыск в Ясной Поляне в 1832 г.— «Звенья», I, 1932, стр. 388—392).

⁵ Издание подобного сборника песен с фортепианным сопровождением осуществлено не было. Под издателями Огарев, вероятно, имел в виду руководителей бернской типографии (в частности, В. И. Бакста), выпустивших вскоре, в 1863 г., собрание «Свободных русских песен» без напевов.

⁶ Луи Галлэ (Gallait, 1810—1887) — известный бельгийский художник (см. о нем в настоящей томе, стр. по указателю).

⁷ Лоренцо Валерио — итальянский политический деятель (см. о нем в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 151).

⁸ О каком губернаторе идет здесь речь, неясно. Кашперов находился в это время в Италии, и не исключена возможность, что Огарев иронически называет так короля Виктора-Эммануила.

ГЕРЦЕН И ОГАРЕВ — РЕДАКТОРУ «THE MORNING STAR»

Публикация Б. П. Козьмина

В феврале 1863 г., когда А. А. Слепцов в качестве уполномоченного тайного общества «Земля и воля» посетил Лондон и вел переговоры с редакторами «Колокола» (см. об этом в настоящей томе на стр. 150), сын Герцена согласился принять на себя обязанности заграничного агента «Земли и воли». В связи с этим ему пришлось совершить ряд поездок по Западной Европе: он побывал в Швеции, в Германии и не раз ездил в Париж. Одну из поездок туда он предпринял в начале марта 1863 г. 5 марта Герцен писал старшей дочери, Н. А. Герцен: «Саша поехал на 3 дня» (XVI, 122). Однако эта поездка затянулась. 12 марта отец снова сообщал Н. А. Герцен: «Саша третьего дня воротился, исполнив все поручения и съездив еще в Гейдельберг» (XVI, 135). Какие именно поручения исполнил А. А. Герцен, неизвестно. Несомненно, однако, что они находились в связи с восстанием, происходившим в Польше, и с деятельностью «Земли и воли». Это подтверждается и не известным ранее письмом А. А. Герцена к отцу, дошедшим до нас в перлюстрационной копии. Копия эта, как и приложенная к ней вырезка из неустановленной французской газеты, содержащая перевод совместного письма Герцена и Огарева редактору газеты «The Morning Star» и обращение Центрального комитета «Земли и воли», сохранились в бумагах агента III Отделения в Царстве Польском. А. А. Герцен писал отцу (перевод с утраченного подлинника на английском языке принадлежит агенту):

«Сher para! Посылаю вам вырезку из журналов статьи о слиянии центральных обществ. Я был у г-на Gerouille(?) Delamarre, обещались напечатать. Ch. Edmond назначил собрание на 14 марта. Польский вопрос двигаем вперед, и надежды много. Ваши поручения исполнены. Левицкий хворает. S. и D. уехали в Берлин. Увидим, что они сделают. — А л е к с а н д р».

Из этого письма выясняется, что А. А. Герцен занимался в Париже преимущественно агитацией в пользу польского дела. О секретном собрании, состоявшемся у одного из редакторов газеты «Temps» Э. Хоецкого (Ch. Edmond), на котором присутствовали А. А. Герцен и чешский литератор И.-В. Фрич, сохранилось упоминание в отчете III Отделения за 1863 г. (см. об этом в следующем томе «Лит. наследства», в статье Ш. Ш. Богатырева «Герцен и чешская общечеловечность 50-х — 60-х годов XIX века»). Деламарр, которого также навестил А. А. Герцен, представлял редакцию газеты